

УДК 82-94

ББК 83.3(2=411.2)+ 82.3(2=411.2)

*О. Г. Лазареску,*

*ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,  
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия*

**ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ  
В «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА**

Работа поддержана грантом РГНФ № 15-04-00494

«Н. М. Карамзин. Энциклопедический словарь»

**Аннотация:** Н. М. Карамзин вводит в орбиту художественных жанров те жанры, которые изначально не являются художественными, — письма, историографические сочинения, журнальные статьи и т.д. Функционирование их как художественных во многом определяется использованием фольклорного элемента, который несёт в себе нравственный закон, воспроизводящий «дух нации», её характер, уровень культурного развития в тот или иной исторический момент. В наибольшей степени это проявилось в «Истории государства Российского», где голый факт, представляя для Карамзина-историка безусловную ценность, «окружается» множеством подробностей в виде изустных легенд, сказаний, преданий, сказок, пословиц и т.д., объединённых общим определением «баснословие». Карамзин движется от мифологического слоя, формирующего нравственный стандарт, к историческому факту, и наоборот. «Баснословие» необходимо писателю, потому что именно оно формирует нравственную норму, а не факт как таковой. Карамзин чётко отделяет историю от «сказки», «романа», но для него они вместилище духа великих исторических деятелей после их смерти. В «Истории...», благодаря использованию фольклорного элемента, вымысел и реальная действительность становятся взаимопроницаемы, «роман и жизнь» уравниваются и усиливают друг друга.

**Ключевые слова:** история, фольклор, традиция, жанр, роман, предание, пословица, сказание, факт, миф.

**Дата поступления статьи:** 22.06.2016

**Информация об авторе:** Ольга Георгиевна Лазареску — доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». E-mail: lazarescu@inbox.ru

Устойчивый читательский интерес и неутихающая научная дискуссия на протяжении более чем двух столетий вокруг произведений и личности Н. М. Карамзина стали культурным и научным фактом в России. Можно без натяжки утверждать, что мало кому из писателей удалось приблизиться к нему по способности вводить в орбиту художественных жанров те жанры, которые изначально апеллируют не к художественной «модальности», а к реальной действительности — письма, историографические сочинения, журнальные статьи и т.д.

Исследователи уже отмечали, что в выработке жанра «Истории государства Российского» Карамзин «опирался на национальную традицию» [6, с. 16], в первую очередь летописную, основанную на её «главной жанровой особенности — синкретизме»: «Летопись свободно включала в свой состав многие произведения древнерусской литературы — жития, повести, послания, плачи, народно-поэтические легенды и т.д. Все это оказывалось сплавленным в одно целое <...> При этом писатель не подражал, не продолжал летописную традицию. Авторская позиция, расщепленная на два начала — аналитическое и художественное, — объединяла весь вводимый в “Историю” материал, определяла включение в виде цитат или пересказа входивших в летопись житий, повестей, легенд и “чудес” и самого рассказа летописца, который или сопровождался комментарием, или оказывался слитым с мнением создателя “Истории”, дополнявшего этот материал развернутыми психологическими характеристиками» [6, с. 16].

Встреча на пространстве художественного текста разных субъектов сознания, «фокусов» видения — коллективного народного, летописца, отбирившего материал и уже в самом отборе формировавшего взгляд на отечественную историю, и автора «Истории государства Российского» — и позволила Карамзину создать уникальный жанр, который помог писателю «выразить русское национальное самосознание в его динамике и развитии, и выработать особый эпический стиль повествования о героической нации» [6, с. 16].

Изучение принципов работы Карамзина с историческим материалом привело учёных к мысли о том, что эстетический смысл истории раскрывался ему «не в буквальном следовании историческим фактам. Писатель особенно ценил тот простор для творческого воображения, который предоставляли материалы истории» [5, с. 289]; а «“проза” точно описанных фактов, конечно, отнюдь не исключает проявлений субъективного восприятия и освещения воспроизводимых явлений» [7, с. 56]. Высказанная также в исследованиях мысль о том, что для Карамзина «неверный относительно реальных событий факт (легендарный, “мифологический”) уже не является исторически бессмысленным, так как он может помочь восстановить мирозерцание ушедшей эпохи» [6, с. 746], воспроизвести «дух нации» — эта мысль подтверждается системным использованием фольклорного материала в «Истории государства Российского».

Попутно заметим, что в Предисловии к своему труду Карамзин не один раз, а довольно настойчиво использует категорию, не вполне релевантную историографической задаче, — категорию удовольствия, наслаждения, «прелести»: «...сколько же удовольствий для сердца и разума <...> И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина <...> еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность <...> всякая История, даже и искусно писанная, бывает приятна <...> тем более отечественная <...> в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения...»<sup>1</sup> [4, I, с. XII, XXII]. Но эта генеральная установка автора — история народа рождает чувство удовольствия и наслаждения — сочетается с другой генеральной установкой — отказом дополнять историю, украшать её: «История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир» [4, I, с. XV]; «Не позволяя себе никакого изо-

<sup>1</sup> Здесь и далее текст цит. по: Карамзин Н. М. История государства Российского / Изданием книгопродавца Смирдина / В типографии вдовы Плюшар с сыном. Санктпетербург, 1833–1835. Ссылки даются с указанием в квадратных скобках тома латинской цифрой и страницы арабской цифрой. При цитировании Предисловия автора к «Истории...» том и страница указываются римскими цифрами.

бретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках» [4, I, с. XXI]; «...историк не должен предлагать вероятностей за истину» [4, I, с. 31].

Итак, действительность не сад, где всё должно быть приятно. В ней много «песков бесплодных и степей унылых» [4, I, с. XV]. Но эта же действительность, оживлённая талантом историка, рождает сложную гамму чувств, где удовольствие и наслаждение становятся одними из ведущих.

Представляется, что важнейшим механизмом достижения такого эстетического эффекта является использование Карамзиным фольклорного элемента, с одной стороны, примиряющего с ужасами и жестокостями исторических фактов, с другой — дающего основание для наслаждения историей.

Карамзин зерно факта окружает оболочкой подробностей, которые часто представлены изустными «сказаниями». В этом он нередко совпадает с летописцем, следует за ним, однако не останавливается на единственной трактовке факта. Так, характеризуя повествование Нестора о времени и месте рождения Киева, он задаётся вопросом: «...отдаленный многими веками <...> мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда *неверного в подробностях*? Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест, неизвестно от чего произошедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Щековицы <...> и речки Лыбеди <...> могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их» [4, I, с. 33].

Так создаётся ещё одна ступень вымысла. Но движение к вымыслу необходимо Карамзину для того, чтобы последовательно снимать слои вымысла и прийти до неоспоримого факта: два обстоятельства в Несторовом описании дают Карамзину возможность увидеть в этом отрезке не роман, а историю: то, что «Славяне Киевские издревле имели сообщение с Царемградом», и «что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов Россиян в Грецию» [4, I, с. 33].

Как писал И. Г. Гердер, «...мифология, как бы безобразно-уродливы ни были ее черты, — это философский опыт человеческой души: прежде чем проснуться, душа видит сны и мечтает о временах своего детства» [3, с. 204]. Но для Карамзина мифология была не только кладзем опыта, способом толкования сил природы и т.д., но и основой для гражданского сближения, так как несла в себе нравственный закон («закон отцов своих» [4, I, с. 79]), который должен был предостеречь от бедствий народных и воспеть своих героев. П. Н. Берков писал: «В чем никак нельзя упрекнуть Карамзина, это в равнодушии к проблемам нравственности. Любое его произведение — поэтическое, прозаическое, научное — обязательно решает этические проблемы. И постановка этих вопросов иногда очень смела для своего времени» [2, с. 15]. Поэтому Карамзин не удовлетворялся голым фактом, который, представляя для него как историка неоспоримую ценность, упирался в нравственное «измерение» этого факта. Писатель вступает в такие отношения с историческими источниками, которые позволяют ему, не прибегая к декларативным заявлениям, двигаться на шкале «факт/миф», свободно переходя из одного «измерения» в другое. Хотя иногда Карамзин отходит от такого метода и позволяет себе прямо сказать: «...мы не можем ручаться за истину предания...» [4, I, с. 130], «Вероятность остается вероятностью» [4, I, с. 50].

Основной массив изустных жанровых моделей в «Истории...» представлен преданиями о правлении князей, пословицами, сказками, которые у Карамзина получают общую дефиницию — народное «баснословие», в котором выстраивается система нравовучения. Особый массив изустных текстов — знамения, чаще всего о будущих бедствиях.

Так, описывая правление вещего Олега в Киеве, Карамзин приводит предание о смерти Олега от коня его. Воздерживаясь от нравственных оценок, писатель выделяет слова летописца о том, что Олег «посмеялся над волхвами» [4, I, с. 143]. В «сухом» остатке — «Олег, княжив 33 года, умер в глубокой старости <...> Но кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы» [4, I, с. 145].

Таким образом, предание связывается с нравственным преступлением — убийством Олегом обманным путём своих варяжских единоплеменников, чтобы завладеть киевским престолом.

Зеркально ситуация разворачивается в истории мести Ольги за смерть Игореву: нравственная победа Ольги, которая подаётся сквозь призму «выдумки», «баснословия» о том, что она пожгла древлян посредством воробьёв, определяется беззаконием древлян, жестоким убийством Игоря и всей дружины: «...привязав сего несчастного Князя к двум деревьям, разорвали надвое» [4, I, с. 158].

В приведённых примерах Карамзин движется от мифологического слоя, формирующего нравственный стандарт, к историческому факту: «Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств, состоит, кажется, единственно в том, что Ольга умертвила в Киеве Послов Древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убийстве Игоря; оружием снова покорила сей народ...» [4, I, с. 165].

Карамзин комментирует: «Не удивляемся жестокости Ольгиной <...> мы должны судить о Героях Истории по обычаям и нравам их времени» [4, I, с. 165]. О том, что это не проходные замечания, а позиция историка, можно судить и по оценке правления Ивана Грозного: «...добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в *народной памяти*», народ «чтил в нем знаменитого виновника нашей государственной силы <...> отвергнул или забыл название *Мучителя* <...> История злопамятнее народа»; «Грозным» называют его «более в хвалу, нежели в укоризну» [4, IX, с. 466–467].

Нравственный заряд несёт в себе и народное «баснословие», «невероятная сказка» о сватовстве византийского императора Константина к Ольге, которая отвергла его предложение, напомнив о том, что он является её крёстным, т. е. о духовном союзе с нею, который служил препятствием для союза брачного. Здесь Карамзин также движется от мифологической проекции к факту, который противоречит «баснословию»: «Во-первых, Константин имел супругу; во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом своим, а не красотою» [4, I, с. 170]. Но «баснословие» необходимо Карамзину, потому что именно оно формирует нравственную норму, а не факт как таковой.

По Карамзину, бессмертие исторического деятеля фиксируется, кроме преданий церкви, летописей, в «сказках народных», среди которых сказки «о делах Владимирских», «о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новгородском, Александре с *золотою гривною*, Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвце, грозе Печенегов, и прочих» [4, I, с. 234–235]. В IX главе I тома «Истории...» писатель формулирует базовый принцип отношений художества и действительности: «Сказки — не История», но заслужившие бессмертие в летописях («своими победами, усердием к Христианству, любовью к Наукам») продолжают жить «в сказках богатырских» [4, I, с. 235]. «Сказка», по Карамзину, это вместилище духа после смерти.

Тема богоспасаемости страны также реализована в жанре предания. Так, в повествование включается рассказ о том, как в 1446 г. «рука Божия», вопреки «малодушному» князю Василию Темному, приготовляла страну к будущим испытаниям: в этом году

«шел сильный дождь, и сыпались из тучи на землю рожь, пшеница, ячмень, так, что всё пространство между рекою Мстою и Волховцем, верст на пятнадцать, покрылось хлебом, собранным крестьянами и принесенным в Новгород, к радостному изумлению его жителей, угнетаемых дороговизною в съестных припасах» [4, V, с. 347].

Важное место в «Истории...» занимают такие народные жанры, как пословица и поговорка, которые Карамзин называет «особенной системой нравоучения» («где Царь, там и Орда», «такали, такали *новгородцы*, да и протакали» и др.), резюмируя: «Ныне живут мертвые в книгах: тогда жили в пословицах. Все хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось из рода в род. Мы легко забываем читанное, зная, что в случае нужды можем опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное, ибо забвением могли навсегда утратить счастливую мысль или сведение любопытное» [4, V, с. 398]. Пословица, по Карамзину, носитель исторической памяти, памяти «важных случаев», а также уровня культурного развития нации: «В государственных договорах Великих Князей находим выражения, которые дают нам понятие о тогдашнем красноречии Россиян; например: *дондеже солнце сияет и мир стоит — да не защитятя щиты своими — да будем золоти аки золото*» [4, I, с. 251].

Современная фольклористика утверждает, что «в пословице наиболее полно отражена общая для разных жанров фольклора система ценностей <...> В литературном произведении, благодаря пословице, проявляется особый “тип осознания” действительности — так называемая народная точка зрения. Художественная модель осознания мира пословицей проникает в авторский текст и, включаясь в авторское мировосприятие, соединяет (реже — разъединяет) конкретный мир автора со “всеобщим” миропониманием, вносит в него универсальность видения ситуации» [1, с. 32–33]. Пословица, включённая в историографическое сочинение, избавляет автора от декларативных замечаний, абстрактных умозаключений, мудрствований, т. е. от нравоучений как таковых, исходящих от одного, хотя и очень авторитетного человека, и передает их коллективному видению. Характерный пример — концентрация исторической памяти о зарождении, становлении, развитии и величии Новгорода в пословице: «*кто против Бога и Великого Новгорода?*», которая заключает в себе не только голые факты, но и самоощущение народа — «народное честолюбие»: «Жители его хвалились и тем, что они не были рабами Моголов, как иные Россияне: хотя и платили дань Ординскую, но Великим Князьям, не зная Баскаков и не быв никогда подвержены их тиранству» [4, VI, с. 130]. Или — нравственная максима, зародившаяся в профессиональной (купецкой) сфере и перешедшая в характеристику народа — «*товар лицом продать*»: «Замечали, что Россияне не злы, не сварливы, терпеливы, но склонны (особенно Москвитяне) к обманам в торговле. Славил древнюю честность Новгородцев и Псковитян, которые тогда уже начинали изменяться в характере» [4, VII, с. 203].

Нередко собственные умозаключения Карамзин облекает в форму пословиц и поговорок. Например, описание возвращения Смоленска, находившегося 110 лет под властью Литвы, в царствование Василия Иоанновича, отца будущего Иоанна Грозного, он резюмирует в стилистике народной мудрости: «Отнять чуждое лестно одному славолюбию Государя; но возвратить собственное весело народу»; или: «В делах государственных несчастье бывает преступлением» [4, VII, с. 60–61].

Мощный блок преданий представлен историей присоединения к России Сибири Ермаком: Ермаковы подвиги, «как все необыкновенное, чрезвычайное, сильно действуя на воображение людей, произвели многие басни, которые смешались в преданиях

с истиною и под именем летописаний обманывали самых Историков. Так, например, сотни Ермаковых воинов <...> обратились в тысячи, месяцы действия в годы, плавание трудное в чудесное» [4, IX, с. 379]. Сюда можно отнести предание о вогульском великане (а жители этой земли малы ростом), «в две сажени вышиною, который хватал рукою и давил вдруг человек по-десяти или более <...> они не могли взять его живого и застрелили!» [4, IX, с. 395]. Или предание о гибели Ермака на холме, насыпанном девичьими руками «для жилища царского» (погиб от оплошности — уснул вблизи от Кучумова войска). О чудесах над могилою Ермака — «сиял яркий свет и пылал столп огненный»: «Духовенство Магометанское, испуганное их действием, нашло способ скрыть сию могилу, ныне никому не известную» [4, IX, с. 404].

Повествование об истории государства Российского останавливается на Смутном времени. И здесь Карамзин применяет приём инверсии, который должен был подчеркнуть судьбоносный характер исторического момента: быть или не быть стране. Описывая «баснословия»<sup>2</sup>, Карамзин эти чудесные явления по своей ужасности ставит на второе место перед человеческим беззаконием, которое затмевает собой эти страшные знамения: «Если, как пишут очевидцы, не было ни правды, ни чести в людях <...> распутство, корыстолюбие, лихоимство, бесчувствие к страданию ближних; если и самое лучшее Дворянство и самое Духовенство заражалось общею язвою разврата, слабая в усердии к отечеству <...> то нужны ли были иные чудесные знамения для утешения России?» [4, XI, с. 111].

Вывод. Карамзин в жанре исторического повествования, благодаря использованию фольклорного элемента, один из первых в допушкинской литературе осваивает художественный метод, в котором искусство и реальная действительность становятся взаимопроницаемы. Условно говоря, «роман и жизнь» уравниваются и усиливают друг друга.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Абашева Д. В. Ценностный мир пословицы в русской литературе // Образ народной культуры в литературе / под ред. Д. В. Абашеевой. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. 204 с.
- 2 Берков П. Н. Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII — начала XIX века // XVIII век. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л.: Наука, 1969. Сб. 8. 354 с.
- 3 Гердер Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 703 с.
- 4 Карамзин Н. М. История государства Российского / Изданием книгопродавца Смирдина / В типографии вдовы Плюшар с сыном. Санктпетербург, 1833–1835.
- 5 Карлова Т. С. Эстетический смысл истории в творческом восприятии Карамзина // XVIII век. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л.: Наука, 1969. Сб. 8. 354 с.
- 6 Макогоненко Г. П. Древняя Россия, открытая Карамзиным // Н. М. Карамзин. Предания веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / сост. и вступит. ст. Г. П. Макогоненко / коммент. Г. П. Макогоненко и М. В. Иванова. М.: Правда, 1987. 768 с.

<sup>2</sup> «...не редко восходили тогда две и три луны, два и три солнца вместе, столпы огненные <...> в своих быстрых движениях представляли битву воинств и красным цветом озаряли землю <...> женщины и животные производили на свет множество уродов», пища «не имела вкуса», «летом (в 1604 году) в светлый полдень воссияла на небе комета» [4, XI, с. 111–112] и т.д.

- 7 Сорокин Ю. С. Язык и стиль карамзинской прозы в оценке современников и последующих поколений (180 лет с начала споров вокруг «нового слога») // Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII – начала XIX в. / ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова. СПб.: Наука, 1994. 235 с.

\* \* \*

*Olga G. Lazarescu,*  
*Moscow State Pedagogical University,*  
*M. Pirogovskaya St., 1/1, 119991 Moscow, Russia*

### FOLKLORIC ELEMENT IN N. M. KARAMZIN'S "HISTORY OF THE RUSSIAN STATE"

**Acknowledgements:** The paper was supported by the Russian Foundation for Humanities, grant № 15-04-00494 "N. M. Karamzin. Encyclopedic dictionary."

**Abstract:** Karamzin introduces to the palette of literary genres those ones that basically are not literary, e.g. letters, historiographic works, journal articles, etc. Their functioning as literary genres is largely determined by the use of a folkloric element with inherent moral law reproducing the "spirit of a nation," its character, the level of cultural development at any given historical moment. Most evidently this is displayed in "History of the Russian State," where a bare fact, representing an absolute value for Karamzin as a historian, becomes "encircled" by plenty of details in the form of word-of-mouth legends, stories, sagas, fairy tales, proverbs etc., having a common definition of "basnoslovie" (fabling). Karamzin moves from the mythological layer that forms the moral standard to a historical fact, and vice versa. "Basnoslovie" (fabling) is essential for him, because it is exactly the latter and not the fact itself, that establishes the moral norm. Karamzin clearly distinguishes history from "fairy tale" or "novel," but perceives them as posthumous repository for the spirit of great historical figures. In "History..." due to the use of folkloric elements, facts and fables become intertwined, "novel and life" are equalized and reinforce each other.

**Keywords:** history, folklore, tradition, genre, novel, legend, proverb, story, fact, myth.

**Received:** June 22, 2016

**Information about the author:** Olga G. Lazarescu — DSc in Philology, Assistant Professor, Moscow State Pedagogical University. E-mail: lazarescu@inbox.ru

### REFERENCES

- 1 Abasheva D. V. Tsennostnyi mir poslovitsy v russkoi literature [The value world of a proverb in Russian literature]. *Obraz narodnoi kul'tury v literature (Monografiia)* [The image of folk culture in literature (Monograph)], ed. D. V. Abasheva. Cheboksary, Chuvash. gos. ped. un-t Publ., 2016. 204 p. (In Russ.)
- 2 Berkov P. N. Derzhavin i Karamzin v istorii russkoi literatury kontsa XVIII – nachala XIX veka [Derzhavin and Karamzin in the history of Russian literature at the end of the XVIII – beginning of the XIX century]. *XVIII vek. Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX veka* [XVIII century. Derzhavin and

- Karamzin in the literary movement of the XVIII – beginning of the XIX centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Issue 8. 354 p. (In Russ.)
- 3 Gerder Iogann Gotfrid. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind], transl. and comment. A. V. Mikhailov. Moscow, Nauka Publ., 1977. 703 p. (In Russ.)
- 4 Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo. Izdanie chetvertoe* [History of the Russian State. Fourth edition], Izhdiveniem knigoprodavtsa Smirdina [By provision of a bookseller Smirdin], V tipografii vdovy Plushar s synom [In the printing house of a widow Plushar and son]. St. Petersburg, 1833–1835. (In Russ.)
- 5 Karlova T. S. Esteticheskii smysl istorii v tvorcheskom vospriiatii Karamzina [Aesthetic significance of history in Karamzin’s creative perception]. *XVIII vek. Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX veka* [XVIII century. Derzhavin and Karamzin in the literary movement of the XVIII – beginning of the XIX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Issue 8. 354 p. (In Russ.)
- 6 Makogonenko G. P. Drevniaia Rossiia, otkrytaia Karamzinym [Ancient Russia discovered by Karamzin]. *N. M. Karamzin. Predaniia vekov. Skazaniia, legendy, rasskazy iz “Istorii gosudarstva Rossiiskogo”* [N. M. Karamzin. Centuries-old stories. Sagas, legends, tales from “History of the Russian State”], comp. and introd. G. P. Makogonenko, comment. G. P. Makogonenko, M. V. Ivanov. Moscow, Pravda Publ., 1987. 768 p. (In Russ.)
- 7 Sorokin Iu. S. Iazyk i stil' karamzinskoi prozy v otsenke sovremennikov i posleduiushchikh pokolenii (180 let s nachala sporov vokrug “novogo sloga”) [Language and style of Karamzin’s prose in the perception of his contemporaries and posterity (180 years of continuing controversy over the “new style”)]. *Ocherki po stilistike russkikh literaturno-khudozhestvennykh i nauchnykh proizvedenii XVIII – nachala XIX v.* [Essays on stylistics of Russian literary and scientific writings of the XVIII – beginning of the XIX centuries], ed. Iu. S. Sorokin, Z. M. Petrova. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 235 p. (In Russ.)